18+

Геннадий
МУРЗИН

АГЕНТУРА

(Сборник
шпионских повестей)

Геннадий Мурзин

Агентура. Сборник шпионских повестей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40650645
ISBN 9785449629685

Аннотация

В очередную книгу «Агентура» писатель включил три шпионских повести, а именно: «Воскресший из мёртвых», «Алеющие седины», «Фатальные ошибки резидентов». Произведения написаны несколько лет назад, настоящее издание – второе, дополненное и доработанное. О чем тексты? О борьбе (иногда неоднозначной) советских чекистов с проникновением на территорию государства, точнее, на Урал, агентов зарубежных спецслужб, о предателях и трусах. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Воскресший из мёртвых 8
Глава первая 8
1 8
2 12
3 16
4 17
Глава вторая 23
1 23
2 25
3 32
Глава третья 34
Глава четвертая 38
1 38
2 40
Глава пятая 48
1 48
2 54
Глава шестая 58
1 58
2 63
3 66
Глава седьмая 69
1 69

2 72
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Агентура
Сборник шпионских повестей

Геннадий Мурзин

Редактор Геннадий Мурзин
Дизайнер обложки Геннадий Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2019
© Геннадий Мурзин, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-2968-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Черное море. Севастополь. Геннадий Иванович Мурзин, писатель и журналист. Автопортрет. Январь 2019.

Воскресший из мёртвых

Глава первая

1

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:[1]

«1951-й год. Свердловск (и еще тринадцать других городов Союза) принадлежал к так называемым городам особого списка. И потому милиция входила в систему Министерства государственной безопасности (МГБ), а не в систему Министерства внутренних дел (МВД). Следовательно, мы отличались не только по форме (в буквальном смысле этого слова), а и по содержанию работы. Разумеется, мы знали гораздо больше, чем другие… Это так, кстати, для ясности».

…Хотя самый первый июльский день и клонился уже к закату, но в воздухе по-прежнему чувствовалось знойное дыхание середины короткого уральского лета – жара под трид-

[1] В основу повестей положены реальные истории, которые были в разное время опубликованы автором в периодической печати. Некоторые фамилии действующих лиц из этических соображений изменены (*здесь и далее в книге – **примечания автора***).

цать градусов. Начальник УМГБ по Свердловской области Чернышев грузно поднялся из-за массивного, сохранившегося еще с царских времен, стола и подошел к открытому настежь окну своего кабинета, выходящему на проспект Ленина. Он, глядя на лениво шелестящую листву тополя, слегка обвисшую и поблекшую от недостатка влаги в почве (дождей-то, считай, уже с полмесяца нет), сказал, обращаясь, но не оборачиваясь, к только что вошедшему Некрасову.

– Ну, что, капитан, по домам, а? Гляди, духотища-то – страшенная, дышать нечем… Скорее – под прохладный душ!

– Товарищ генерал, я – не против, но…

– Какие еще могут быть «но», капитан? Вечер уже. И мы с тобой заслужили отдых… Или не так?

– Так, конечно, так, товарищ генерал, но…

Чернышев насторожился. По-прежнему не оборачиваясь, спросил:

– Что-то случилось, капитан? С очередной неприятностью пришел?

– И да, и нет, товарищ генерал…

– Не ответ, а настоящий кроссворд. Как прикажешь понимать, капитан? – Чернышев обернулся и увидел в руках дежурного помощника какой-то грязно-серый лист бумаги.

Капитан приблизился к генералу и подал лист.

– Вот… шифровка из Москвы.

Генерал взял бумагу и пошел к столу, опиравшемуся на резные ножки, похожие (как две капли воды) на мощные лапы льва, ворча при этом вслух:

– Так и знал, капитан… С добром тебя не жди…

– Виноват, товарищ генерал.

– Виноват? Если бы чувствовал вину, не пришел бы с этим, – он тряхнул бумажкой. – Виноват, виноват… Пожалел бы начальника… Кому, как не тебе пожалеть и пощадить, а, капитан?

– Я не мог, товарищ генерал…

– Если не ты, то кто должен щадить шефа?

– Не могу знать, товарищ генерал.

– Вот… так всегда… А еще помощником называется…

Чернышев тяжело опустился на стул, и тот издал жалобный стон.

– Постарел, бедняга.

– Вы о ком, товарищ генерал? Если…

– Ну, уж, нет, только не о себе. Я еще о-го-го! Только вот, – он начал шарить в столе и нашел-таки то, что искал, – старомодные в железной оправе очки и надел на нос, – с глазами, кажется, не того.

– Все-таки, товарищ генерал, вы о ком?

– Да о стуле, капитан. Тяжко ему приходится: сколько лет испытывает на себе такие перегрузки. Видишь, жалуется. А что я могу поделать, если такой вес набрал. Подо мной – хоть кто запищит.

– Вы, товарищ генерал, о стуле, как о чем-то живом…

– Посиди с мое да протри несколько пар галифе – сам запоешь то же самое.

– Ну, да, – засомневался капитан.

Чернышев взял в руки шифровку, начал читать, но что-то вспомнил, поднял глаза на стоявшего капитана и посмотрел на него поверх очков.

– Ты, капитан, при случае, скажи начальнику ХАЗО, чтобы заменил на стул более надежный.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

Глаза генерала быстро-быстро побежали по тексту. И чем дальше читал, тем больше хмурился. Прочитав, недовольно стукнул кулаком по толстенной дубовой столешнице.

– Черт! Кажется, капитан, не до душа…

– Так точно, товарищ генерал.

– Ты, как вижу, даже рад.

– Никак нет, товарищ генерал!

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Меня, как, наверное, многих других, в тот июльский вечер нашли дома, приказав срочно прибыть в известное для всех свердловчан учреждение на Вайнера, 4.

Прибыл, не мешкая. Кроме меня, было, видимо, человек сорок. В основном, опытные работники. Из молодых оперов УгРо я был, кажется, один.

Нам сообщили: на Западной Украине, где все еще полно

националистов, выброшен десант из двух парашютистов. Один из них после приземления, решив сразу же обзавестись транспортным средством, украл велосипед. На этом и погорел. Задержали. Второму парашютисту удалось скрыться.

Зачитали шифровку, поступившую в УМГБ из Москвы. В ней, как сейчас помню, сообщалось, что оба парашютиста – бывшие граждане СССР. В годы войны оказались в плену. Находились в концлагере. Освобождены войсками генерала Эйзенхауэра. Завербованы американской спецслужбой. Несколько лет пробыли в разведшколе…»

2

…Село Светлояр Тамбовской области.

В старенький, почерневший от времени, бревенчатый домик на три оконца наведался гостенек. Для хозяев – Прасковьи Николаевны и Митрофана Денисовича – был совершенно не знаком. С его приходом как-то тревожно стало в душах стариков, хоть он все еще не произнес ни слова. Странно он как-то вел себя, загадочно.

«Глаз у него какой-то нехороший, смурной», – отметили про себя Томилины.

Встретили все же по-русски, уважительно. Ни о чем не спрашивая, посадили за стол, в красный угол, под образа. Сами сели на широкую и длинную лавку немного поодаль

от стола. Хозяева вопросов не задавали, молчали, полагая, что гостенек, если надобность такая будет, заговорит первым.

И гость заговорил.

– Я из госбезопасности, лейтенант Свинцов, – обращаясь почему-то к Прасковье Николаевне, а не к Митрофану Денисовичу (догадался, видимо, кто в доме верховодит), представился он. – Я должен выяснить кой-какие детали… – он сделал паузу, цепко всматриваясь в лицо, густо испещренное морщинами и лишь потом добавил, – в отношении вашего сына.

Томилина недоумевающе подняла на него глаза.

– Какого такого сына? У нас было трое, а теперь вот век доживаем одни-одинешеньки. Помрем – упокоить, глаза закрыть будет некому, – старуха приложила к глазам угол передника.

– Будет, старая, мокроту-то разводить, – вступил в разговор хозяин. – Горе наше уже трижды выплакано. Чего нет – того уж не возвернешь… А вам, гражданин хороший, скажу: в земельке лежат наши детки – давно уже. Старшой – Максим – у озера Хасан сгинул, погиб то есть. Средний – Сережа – в тридцать девятом на току в молотилку угодил, всего изломало, помер. Несчастный случай, сказали нам, с летательным исходом…

– Летательный или еще какой там исход – не знаю, – поджав губы, недовольно сказала хозяйка, – а вот насчет

несчастного случая – сильно сомневаюсь. Чую, сердце матери говорит: чья-то злая рука подтолкнула парнишку к беде. Ходила я в НКВД, – она махнула рукой, – да что толку-то?..

Гость, конечно, слушал, но все больше стал проявлять нетерпение.

– С двумя – ясно. А третий? Он-то где?

Ответила хозяйка:

– В сорок первом мобилизовали, а в сорок четвертом погиб геройски в Белоруссии.

Старушка встала, подошла к огромному кованому сундуку, стоявшему возле русской печки, приподняла массивную крышку и достала оттуда полотняный мешочек, перевязанный старым шнурком.

– Вот… похоронка, – она протянула гостю начавшую уже желтеть бумажку. – Старый, когда это было?..

– Что? Ездила, что ли, когда?

– Да, когда ездила-то?

– Считай, месяцев семь тому.

– Вот-вот… Съездила в Белоруссию, сыскала братскую могилу (это километрах в пяти от Гомеля), молитву сотворила по Васятке нашему, младшему, любимому, заскребышу. Памятник там ог-ром-ный. «Вечная слава героям» – написано на нем, кажись, золотом. И все фамилии, фамилии… Много фамилий. Среди них: «В.М.Томилин». Это, значит, наш Васятка.

Как бы из простого любопытства лейтенант госбезопасно-

сти Свинцов спросил старушку:

– А нельзя ли посмотреть его фотографию?

– Чью? Васятки, что ли?

– Да-да!

– Нету, – старушка растерянно развела руками. – Ни одной. Перед войной как-то не подумали: на глазах все был. Потом, когда писала ему на фронт, просила прислать карточку. Он сердито отвечал: не артист, чтобы фоткаться, а боец Красной Армии; не на курорте, мол, а бьюсь с проклятым фашистом. Не до фотографов ему, видать, там было.

Хозяин, все больше молчавший, но, тем не менее, мотавший себе на ус, встревожился не на шутку.

– Товарищ лейтенант, а почему вы все о младшем да о младшем спрашиваете? Вы что-то знаете? Что… Васятка-то жив?!

Свинцов встал из-за стола и поспешил к выходу. Уже у порога, взявшись за кованую дверную ручку, попытался успокоить старых людей.

– Нет-нет, что вы, успокойтесь, пожалуйста. Просто есть данные, что именем вашего погибшего сына могут воспользоваться. Кстати, если вдруг весточку какую-нибудь получите от воскресшего из мертвых – тотчас же поставьте в известность госбезопасность.

3

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«И милиционеры, и чекисты – все были буквально поставлены на ноги. Почему? Дело в том, что из показаний того, который был задержан сразу, после кражи велосипеда, стало известно: задание, с которым были выброшены парашютисты, непосредственно касалось нас. Было получено сообщение: исчезнувший парашютист-шпион направляется в Свердловскую область. И сфера его особого интереса – лагерь „100“. Даже я тогда не знал, что скрывается за этими цифрами. Уже гораздо позднее узнал: это строительство секретнейшего оборонного объекта в районе Верх-Нейвинска. Потом это все называлось „Свердловск-44“, теперь просто – город Новоуральск».

Шифротелеграмма из Москвы, поступившая в УМГБ Свердловской области:

«Приметы направляющегося в Свердловск разведчика: выше среднего роста, плечист, нос горбинкой, сухощав, глаза серые, волосы темные, слегка вьющиеся впереди, лицо круглое, чистое, без каких-либо внешних изъянов, походка – твердая, уверенная, возраст – 32 года. Генерал Троицкий».

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Мы знали: арестованный на Украине разведчик на допросе показал, что в одно из отделений связи Свердлов-

ска сразу по прибытии они должны были обратиться, где на каждого из них предполагался крупный денежный перевод. Откуда и от кого переводы – арестованный не знал. Проверить отделения связи предстояло мне. И точно! Я нашел два перевода! Оба пока не востребованы. Посоветовал работнику почты предупредить сразу, как только обратятся за получением этих именно двух переводов. Однако шли дни за днями, а за деньгами никто не приходил. Мне странным все это показалось, очень странным. По моим прикидкам, получалось, что исчезнувший парашютист должен был уже добраться до Свердловска. А поскольку с наличностью у него, по имеющимся сведениям, было туговато, то ему ничего другого не оставалось, как получить перевод. Жить-то на что-то надо!»

4

…Село Светлояр Тамбовской области.

Томилины-старики только что вернулись с колхозных угодий, где сообща с другими стоговали сено. Притомились изрядно, поэтому в избу сразу не пошли, а присели на завалинке, чтобы малость передохнуть.

Они издали заприметили знакомую чуть прихрамывающую фигуру – это письмоносица Дуся. Старики ее не ждали, не радовались ее появлению, как раньше: уже несколько лет писем им она не приносила – не от кого. Последняя ее

услуга и та печальная – похоронка на шершавой оберточной бумаге, сообщавшая, что их Васятка, последний сынок, пал смертью храбрых при защите Родины.

Дуся, поравнявшись с ними, издали крикнула:

– Здравствуйте!

Ответила Прасковья Николаевна:

– Здравствуй, милая, здравствуй. Все бегаешь, людей радуешь?

На этот раз Дуся, как ни странно, не прошла мимо, а свернула к ним, на ходу расстегивая свою брезентовую наплечную сумку.

Старики переглянулись.

– А я – к вам…

Прасковья Николаевна, прикрываясь от солнца ладонью, тревожно смотрела на нее.

– Случилось что?

– Если и случилось, то радостное…

– Что ты, милая, какая может быть радость для нас, стариков?

– Вот, – она протянула свернутый пополам листок, – тебе, Прасковья Николаевна.

Старушка опасливо смотрела на бумажку и не спешила ее брать.

– Что это?

– Как «что»? Бери же!.. Телеграмма это.

– Шутишь все…

– Нет же! Какие шутки… Распишись вот здесь, в тетрадке. Мне почему-то кажется, что там хорошие вести.

Томилина попробовала было трясущимися от волнения руками нацарапать свою фамилию, но не смогла. Попросила молчавшего и угрюмо смотревшего на происходящее мужа:

– Распишись, старый, а у меня… Никак, пальцы отказываются слушаться, – потом, подняв глаза на письмоносицу, с надеждой в глазах спросила. – От кого это, как думаешь, Дусь?

– Бланк-то заклеенный – не представляю. Распечатаете и узнаете… Простите, спешу.

Дуся побежала дальше. Долго Прасковья Николаевна не решалась распечатать. Все не верилось, что это именно ей, а не кому-то другому; все казалось ошибкой.

И, наконец, – решилась.

Текст телеграммы:

«Мама зпт здравствуй тчк Я жив здоров тчк Извини зпт не писал тчк Подробности потом тчк Нахожусь в тяжелом материальном положении тчк Прошу телеграфом выслать Свердловск жд вокзал почта до востребования 200 рублей тчк Привет батяне зпт если жив тчк Сын Василий тчк».

Раза три перечитала – не меньше. Потом (для верности) мужа заставила перечитать вслух. Нет, она ничего не напутала. Но как же… Сама, собственными глазами видела могилку Васятки… фамилию свою… И… похоронка, к тому же…

Чудно… И вчерашний сон – в руку. Будто, вышла она за околицу, чтобы буренку домой загнать. И видит, как вдалеке, там, на взгорье, вдоль лесной опушки идет-вихляет человек, на костылях, в длинной шинели и пилотке. Идет как бы не к ней, а от нее в сторону. Пригляделась, узнала: ее Васятка. Попробовала окликнуть: куда, дескать, от родной матери-то? Голоса своего не услышала. Вроде губами шевелила, а из горла – ничего, ни звука. А он, ее Васятка, будто услышал ее или почуял, что мать зовет, обернулся и молча стал рукой показывать-манить: иди, мол, за мной. На этом все и кончилось. Потому что старый рядом завозился и прервал сон, не дал досмотреть. Она сердито ткнула мужа в бок. Тот открыл глаза: «Что толкаешься?» «Сына, Васятку, во сне видела, – сказала она, – он за собой звал. Видно, и в самом деле на этом свете задержалась я. Настала и мне пора собираться туда, к сыну». Старик повернулся на другой бок: «Не чуди, старая. Спи». Он тотчас же захрапел, а она так до утра больше глаз и не сомкнула. Теперь, пожалуйте, эта телеграмма, с Урала, где Томилины и не бывали никогда.

– Что думаешь, старый, а? – спросила она все время угрюмо молчавшего мужа.

– Слышала, что сказал лейтенант?.. Злой человек шуткует с нами – не иначе.

– Какой ты после этого отец, – укорила она, – если ничто внутри у тебя не ёкнуло… Дитятко, родимое, в беде, помочь просит, а ты? Сердцем чую, что он, мой Васятка!

Старик только рукой махнул, понимая, что спорить бесполезно.

– А… делай, как знаешь. Я же Васятке, если только он в самом деле жив, не враг какой-нибудь…

– Соседка сказывала намедни, будто бывает, что и после похоронки возвращаются живехонькими. А вдруг и с сынком писарь описку сделал? – она надолго замолчала. По морщинистому лицу покатились слезы. Утерев их концами головного платка, вслух произнесла. – Где такие большие деньги взять?

– Может, к председательше колхозной? У нее водятся, слыхал, – посоветовал муж.

Раздобыла-таки мать деньги, а на следующий день, упросив бригадира отпустить ее, отправилась в райцентр, на почту. Отправив деньги, получив на руки квитанцию, крепко задумалась. Тревожно, боязно стало. А вдруг, подумала она, и в самом деле такую уйму денег отослала незнамо кому. Еще раз на память пришло предостережение человека из госбезопасности. Они, сказывают, шутить не любят. Неровен час, вместо сына бандюге подмогла. А что? В книжках или в газетах тоже разное пишут…

Нерешительно, озираясь по сторонам, вошла Томилина в райотдел милиции. Старшина с повязкой на рукаве (еще совсем молоденький), завидев старушку, весело спросил?

– К кому, бабуля? Не старик ли пообидел?

Прасковья Николаевна крепко обиделась на такие слова

милиционера.

– Нет, милок, он – мужик самостоятельный, не тебе, пустобрех, чета. Поболе сорока годков живем, а худого слова от него не слыхивала. К вам же пришла по делу… Мне бы с лейтенантом Свинцовым свидеться, хочу поговорить.

– Со Свинцовым?! – растерявшись, переспросил дежурный.

– Да, со Свинцовым, – подтвердила старушка.

– Тогда – не к нам…

– Что ты, милок? Вы разве не госбезопасность?

– Нет, бабушка: мы – милиция…

– Не все одно?

– Большая разница… Свинцов, который нужен, в соседнем с нами здании. А вы, бабушка, не ошиблись? Зачем вам понадобился лейтенант госбезопасности?

– Ну, это уже, милок, тебя не касаемо, – сердито отрезала Томилина и вышла.

Глава вторая

1

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Все сотрудники милиции и чекисты получили инструкции, как действовать, если вдруг обнаружат бесследно исчезнувшего парашютиста. Предупредили: вооружен до зубов, а поэтому будет оказывать сопротивление до конца, при любых обстоятельствах. Вплоть до уничтожения всякого, кто попытается взять. Имелась ввиду, конечно, и возможность самоликвидации. По другим случаям знали, что это значит: обычно шпионам на самый крайний случай вшивали в воротник стеклянные ампулы с цианистым ядом, действующим мгновенно. С год до этого также… Взять-то взяли, но зазевались, тот щелк – и готово. В руках – труп, вещь для чекистов совершенно бесполезная. Значит? Необходимо не только задержать, а и предотвратить возможность использования яда, то есть не допустить смерти».

…В кабинет начальника шестого отделения милиции (тогда оно располагалось вблизи железнодорожного вокзала, на улице Свердлова) вошли двое.

– Что у вас? – спросил вошедших капитан Шестаков.

Вперед выступил мужчина лет тридцати. Шестаков про

себя отметил: «Крепкий парень. И лицо приятное, улыбчивое, располагает».

– Сергей Федорович, простите, ради Бога, что отрываем вас от дел ваших неотложных. Но выхода у нас другого нет. Мы вот тут с приятелем в командировку поехали, в поезде малость перебрали. Ну, и… все наличные деньги… Они у меня хранились… получилось нехорошо.

– Я-то тут чем могу помочь? – удивился капитан. – Деньгами? У меня нет лишних.

– Что вы, что вы, Сергей Федорович! Да не за тем мы к вам, не нищие какие-нибудь, не побирушки.

– Тогда – чем же могу помочь?

– Сергей Федорович, понимаете, вместе с деньгами я и паспорт утерял. Слава Богу, приятель хоть не сглупил. Его паспорт цел.

– Так что вы от меня хотите?

– Мы сделали в Свердловске, так сказать, вынужденную посадку, вышли из поезда. Я позвонил домой, попросил прислать немного денег, чтобы добраться до места назначения.

– Ну и…

– На почте без паспорта деньги не выдают.

– Естественно. А вы что хотели?

– Я вот тут написал доверенность приятелю, у него паспорт имеется. Он получит по моей доверенности, но ее надо заверить. Подпишите, пожалуйста, Сергей Федорович. Выручите.

– Какая чепуха! А я-то думал… Давайте сюда, заверю вашу доверенность. Только не пейте много, а то снова.

– И печать, пожалуйста, поставьте.

Капитан шлепнул печатью и шутливо сказал:

– И печать, вот, ставлю.

Посетители вышли. А капитан, пряча в сейф печать, вслух произнес:

– Вот к чему ведет злоупотребление спиртным.

Шифротелеграмма, поступившая в УМГБ Свердловской области:

«Установлено, что разведчик-парашютист, избежавший ареста на Украине, уже находится в Свердловске. В ближайшие дни он должен обратиться в отделение связи, что на железнодорожном вокзале, где на имя Томилина Василия Митрофановича находится денежный перевод на 200 рублей. Примите меры к задержанию любого, кто попытается получить деньги по указанному переводу. Генерал Трощкий».

2

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«После получения шифровки меня, молодого опера, пригласили к начальнику штаба УМГБ и приказали сейчас же отправиться на вокзал, на почту. Я так и сделал. Но на почте меня огорошили: перевод уже получен! Кем? Неким

Глазковым. Но почему ему выдали денежный перевод, если адресат совсем другой? По доверенности, сказали мне, по доверенности, оформленной честь честью. Выходит, доверенность и заверена? Именно так. Более того, сказали мне, доверенность заверил сам начальник шестого отделения милиции: есть его подпись и печать. Достали и показали мне ту доверенность: все точно – подпись капитана Шестакова…»

Когда в кабинет начальника УМГБ вошли вызванные по этому случаю, генерал все еще нервно ёрзал на стуле, машинально передвигая по столу с одного места на другое тяжелую, из зеленого стекла, чернильницу. Степан Васильевич Чернышев, по свидетельству очевидцев, отличался от многих других командиров необычайным спокойствием. Казалось, его ничто неспособно вывести из равновесия.

Но если случалось войти ему во гнев, то становилось страшно. Слава Богу, такого почти не было. И, тем не менее, его боялись, как огня. Он редко вызывал к себе, так сказать, «на ковер» для чистки мозгов, не дергал подчиненных по любому поводу. Но когда подобное происходило, то все знали – не поздоровится.

– Итак, где же наш «именинничек»?

Сидевший у самых дверей капитан Некрасов вскочил со стула, как подброшенный.

– В приемной, товарищ генерал! Позвать?

– Давай – сюда.

Некрасов приоткрыл дверь кабинета.

– Шестаков, к генералу!

Вошел Шестаков. Сделав несколько шагов в сторону сидевшего за столом начальника УМГБ, он замер по стойке смирно, вытянувшись в струнку.

– Капитан Шестаков по вашему приказанию явился…

Генерал, упершись в него своим тяжелым взглядом, прервал.

– «Явился», говоришь? – тихо спросил он. – Пора бы знать, капитан, что являются только черти.

– Извините, товарищ генерал, – Шестаков решил исправить оплошность, поэтому повторил. – Капитан Шестаков по вашему приказанию прибыл.

– То-то же, – все также тихо, но с сильным нажимом сказал генерал, продолжая вошедшего сверлить взглядом, от чего лицо Шестакова стало бледнее бледного, а руки, вытянутые по швам, мелко-мелко задрожали.

В кабинете повисла мертвая тишина. Все боялись ненароком стулом скрипнуть.

– Ну-с, капитан, чего молчим? Изволь говорить… Знаешь, зачем вызвал?

– Так точно, знаю, товарищ генерал… Виноват, товарищ генерал… Вам, наверное, доложили…

– Верно, капитан, мне доложили. Но мне, знаешь ли, доставит удовольствие еще раз услышать, но теперь от тебя. Слушаю, капитан.

– Ну…

– Ты чего тут нукаешь? Не с лошадьми дело имеешь, чтобы понукать… Докладывай – коротко и четко! Никаких «ну», «тпру» и тому подобного, ясно?

– Так точно, товарищ генерал!.. Пришли двое; сказали, что в пути у них выкрали деньги и документы одного из них; что на почте на имя одного из них имеется денежный перевод, но чтобы получить, требуется доверенность; попросили заверить доверенность… Ну и…

– Опять?

– Виноват, товарищ генерал… Пожалел мужиков: подписал и поставил печать.

– Как ты мог, капитан?

– Виноват, товарищ генерал.

– Ты что, не получил нашу ориентировку?

– Получил, товарищ генерал.

– Выходит, не читаешь то, что получаешь?

– Читал, товарищ генерал. И помню наизусть.

– Тогда – в чем дело? Объясни мне, как ты мог не разглядеть стоящего перед тобой разыскиваемого нами особо опасного диверсанта?

– Виноват, товарищ генерал…

– Виноват? А не смог бы ты объяснить, в чем твоя вина?

– Виноват, что потерял бдительность и не разглядел перед собой врага.

– Но как можно? Все управление вот уже несколько дней

буквально стоит «на ушах», люди не знают ни сна, ни отдыха, перед тобой – разыскиваемый, а ты?!

– Виноват, товарищ генерал.

– Что-о-о? Товарищ? Я?! Тебе?! – лицо генерала на глазах стало багровым. Он привстал и оперся обеими руками о столешницу, по-прежнему не спуская глаз с капитана, смертельно напуганного, но тем не менее прямо смотревшего в лицо генерала. Терпению Чернышева пришел конец. – Тамбовский волк тебе товарищ! – бешено взревел генерал. – Вон из кабинета! Вон из органов! Чтобы сегодня же тобой и не пахло! Вон!

Шестаков развернулся на сто восемьдесят градусов и, четко печатая шаг, вышел из кабинета. Когда за капитаном закрылась дверь, генерал тяжело опустился на стул, достал носовой платок, вытер выступившую испарину на лице.

– Нет, какой негодяй, а? И как только земля таких мерзавцев носит?.. Подумать только: он был… был же в наших руках, а мы? Что мы? Что мне в Москву докладывать? Стыдобушка!.. Нет, таким ротозеям в органах не место. Гнать, гнать поганой метлой таких надо!.. Как, как мне докладывать Москве! Был он в руках и мы… упустили!.. Нет, такого унижения еще я не испытывал.

Генерал замолчал. И в мертвой тишине кабинета лишь слышались его ритмичные постукивания пальцами по столешнице. Он думал. А мешать думать генералу никто не осмеливался. Прошло минут пять. В кабинете – все та же

обстановка. Никто не решался первым заговорить. Никто не хотел вызвать на себя гнев генерала. Все решили, что надо дать генералу чуть-чуть остыть. Что-то надо было делать. Первым встал со своего места полковник Ярославцев.

– Я пойду. Разрешите?

– Куда это ты собрался, Алексей Денисович, а? – уже совершенно спокойно спросил Чернышев своего зама по кадрам. По кабинету пронесся вздох облегчения. Все присутствующие поняли: гроза миновала. Послышались пока еще легкие шорохи: люди стали разминать затекшие и немного онемевшие члены.

– К себе, товарищ генерал… Готовить приказ об увольнении из органов…

– И кого же, позволительно будет спросить, собираешься увольнять?

– Не понял, товарищ генерал…

– А что тут такого непонятного, полковник? Я спросил: кого собираешься увольнять?

Ярославцев все еще не мог ничего понять. Он не смог уловить смену настроения своего начальника.

– Я понял, что… Согласно вашему указанию… подлежит немедленному увольнению из органов капитан Шестаков…

– Ишь, какой прыткий у меня зам. Сразу и увольнять? Кого ты решил, полковник, уволить? Шестакова?! Орденоносца?! Бывшего командира взвода разведки, прошедшего всю войну? Уволить Шестакова, который год назад лично, соб-

ственными руками взял целыми и невредимыми трех бандюг? Вот ты, полковник, за всю свою жизнь хоть одного бандита взял? Нет, не взял. А он не одного, а сразу троих… Так-то вот… Чувствуешь, кого собираешься увольнять, чувствуешь!?

– Товарищ генерал, не я, а…

– Вот так всегда: чуть что – это, мол, он такой «бяка». С чего ты решил, что капитана Шестакова надо увольнять да еще немедленно?

– Но вы же сами… только что…

– Ну, что, что я?! Погорячился, конечно, чуть-чуть… Сказал пару ласковых капитану – и только. Мало ли… бывает… Я, что, не человек?.. Нервы тоже не железные… Сорвался… пошел вразнос…

– Не понял, товарищ генерал.

– В том-то и беда, полковник, что не понял.

– Не понял…

– Что ты заладил, как попугай, одно и тоже: не понял, не понял. Соображать надо, полковник.

– Но… Что же мне делать в таком случае? Не готовить приказ?

– Нет, приказ обязательно нужен, полковник, но вот какой – другое дело. Более того, с этим приказом надо под расписку ознакомить весь личный состав органов. Всем показать, к чему ведет утеря бдительности. И Шестакову станет хорошим уроком. Я так думаю: надо Шестакова пони-

зить в должности. Пусть-ка побегает годик, другой в замах по оперативным вопросам в том же, шестом отделении. А дальше – видно будет, – и уже, обращаясь ко всем присутствующим, генерал спросил. – Как считаете, товарищи офицеры, это правильно?.. Он не будет на нас в обиде?

Заулыбался генерал. Заулыбались и окончательно оживились все остальные.

3

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«…А тем временем задержали Глазкова. Оказался самым заурядным вокзальным завсегдатаем – бродягой. А чего, удивился тот, подошел культурный такой мужик, из интеллигентных. Сказал, что паспорт с деньгами выкрали, дальше ехать не на что. Пришел перевод. Получишь, сказал, – тридцатка твоя. Не дурень, согласился. Встречался ли с ним до того или после? Нет, говорит, никогда!»

Шифровка, поступившая в УМГБ Свердловской области:

«По имеющимся сведениям, агент, оказавшись в затруднительном положении, может пойти на установление связей с законсервированной агентурой. Возьмите под наблюдение:

а) Черемисов Макар Семенович; завербован Абвером в сорок втором в период его нахождения в плену; заброшен на Урал без определенного задания, с целью вживания

в окружающую обстановку (с перспективой работы в отдаленном будущем, при необходимости); в настоящее время работает на Невьянском механическом заводе;

б) Серегина Наталья Алексеевна; бывшая фронтовая подруга майора Серегина Бориса Алексеевича; в сорок пятом, перед окончанием войны поженились; Наталья Алексеевна завербована американской разведкой; известно, что ее муж, служивший некоторое время комендантом небольшого немецкого городка Зальцбург, вскоре демобилизовался и по настоянию жены переехал на постоянное жительство в Свердловск; сам Серегин, работающий сейчас редактором газеты, скорее всего, не знает, что его жена подписала обязательство сотрудничать с ЦРУ; сейчас Серегина работает дежурной по станции Свердловск-Сортировочный и пока никаких заданий не получала и не выполняла. Генерал Троицкий».

Глава третья

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Прошла еще одна тревожная для всех нас неделя. Видел, что начальство, как говорится, на взводе, нервничает. Москва каждый день подстегивает: чего, мол, медлим; почему нет результата, и когда будет; сколько можно возиться с одним-единственным разведчиком? Москву понять можно: человек – как на картинке. Все про него известно, вплоть до мельчайших подробностей его биографии. Однако, приехав в Свердловск, как в воду канул: нигде его нет. Раз только мы его и видели. Когда стоял перед начальником шестого отделения милиции (теперь уже бывшим) Шестаковым. Везде таскали с собой Глазкова, чтобы тот помог его опознать. Как-никак, а он общался со шпионом несколько часов».

…Село Светлояр Тамбовской области.

Прасковья Николаевна, подоив корову и процедив парное молоко, разлив его по трехлитровым глиняным горшкам-крынкам, составив в ряд на полках погреба, прикрыв каждую из них деревянным кругом, а сверху придавив камешками потяжелее (это, чтобы Муська-пакостница не забралась и не слизала отстоявшуюся сверху сметану; тоже вот, негодница, нет, чтобы мышей, которых развелось нынешним летом видимо-невидимо, отлавливать, так она повади-

лась лакомиться свежими сливками), то есть, управившись по хозяйству, вышла за ворота и села, освещаемая последними закатными лучами солнца, на завалинку, чтобы отдышаться. Тут же собрались соседки. Стали говорить – о том о сем, сплетничать, косточки деревенским перемывать. Тут Сергеевна, соседка справа, вдова (муж-то погиб в войне), воспитывающая одна троих оставшихся детей (двух парней и девчонку), возьми да спроси:

– Слышь-ка, Николаевна, на селе сказывают: ты намедни телеграмму получила… От кого это, а, соседушка? Уж не от сына ли, Васятки, погибшего в войну?

– Чего ты мелешь, Сергеевна? Виданное ли дело, чтобы от покойника телеграммы получать? – поджав недовольно тонкие губы, вопросом на вопрос ответила Прасковья Николаевна Томилина и замолчала, давая понять, что продолжение этой темы неуместно.

Но остановить соседку уже было нельзя.

– Нет уж, ты все-таки скажи, от кого телеграмма? Секрет, что ли? Все равно не скроешь.

– Это верно: от тебя, болтушки, не скроешься.

– А, коли так, то и не таись. Мы тебе тоже не чужие. Можем и совет правильный присоветовать, по-соседски. С мужем-то тебе не того: он все молчком да молчком. У него всякое слово на вес золота: лишнего не дождешься.

– Да, уж… Как ты, попусту чесать языком не станет.

– А и верно, Николаевна, чего от нас-то прячешься? Аль

нельзя? Не на Колыме ли Васятка твой, ай? – вступила в разговор Марфа Силовна Ступакова, жившая одна за три дома от Томилиных.

– Ну, что ты, ей-Богу, околесицу такую несешь, Силовна? Какая Колыма? Верно говорят: язык – без костей.

Отповедь не остановила Ступакову.

– Сама знаешь: в селе все мы – как на ладони… Да вот и председательша…

Томилина встревожилась.

– Что?.. Что председательша?

– Вчерась в сельмаге при всех болтала, будто ты у нее заняла двести рублей; будто чуть ли не на коленях перед ней стояла, умоляя одолжить. Зачем тебе такие деньги, скажи?

– А на другой день, – добавила Сергеевна со своей стороны, – у бригадира отпросилась и убежала в район. Я там недавно была, заходила на почту, чтобы с подружкой повидаться. Так, та сказала, что ты большие деньги отослала. Она не видела кому, но сказывает, что какому-то мужику. Странно все это, соседка. И что ты затеваешь, ума не приложу.

– А еще, – Ступакова решила все, что знает, выложить за раз, – за день, верно, перед телеграммой из района к тебе важный мужик в шляпе приезжал. Сама в окошко видела… При галстуке, с портфелем… Солидный такой. Кто таков, а, Николаевна?

– Да… приезжал один…

– Кто? Кто, скажи?!

– Так… один… из районного учреждения.

Соседки, придвинувшись ближе, приготовились слушать, но прежде засыпав вопросами.

– Из какого?

– Что ему надо было?

– А это не страшно?

Томилина, осердившись, встала, собираясь уйти.

– Что вы пристали ко мне? Мне запретили болтать насчет этого, ясно?! Прицепились, как банные листки к голой заднице… А вот с переводом… Да, кажись, я того… Не надо было этого делать… Ну, да чего уж теперь-то… Что сделано, то сделано – назад не возвернешь… Я пошла. Притомилась что-то шибко.

Томилина ушла, прикрыв за собой ворота. Соседки продолжали сидеть, переглядываясь и перемигиваясь между собой. Ступакова, когда все поднялись, собираясь разойтись, качая головой, произнесла:

– Да, девки, с Николаевной что-то неладное. Как бы большой беды не приключилось. Надо поговорить с председательшей. Она грамотная. Она всё знает. Она подскажет, как быть.

Шифротелеграмма в УМГБ Свердловской области:

«Примите дополнительные меры к задержанию парашютиста. Срок – трое суток. По истечении их – прибыть в Москву с докладом. За результат – отвечаете персонально. Генерал Трощкий».

Глава четвертая

1

Чернышевы – Степан Васильевич и Светлана Викторовна – в одиннадцатом часу вечера вернулись домой. Вернулись из оперного театра, где были на премьере оперы «Аида», и все еще находились под впечатлением увиденного и услышанного. В прихожей, снимая обувь и верхнюю одежду, они услышали визг своей девочки:

– Бабуля! Слышишь, мамочка с папочкой пришли!

Девочка семи с половиной лет, с растрепанными косичками и радостными светящимися зеленоватыми глазенками вылетела из детской и повисла на отце. Сказать, что Степан Васильевич обожал дочурку, – это ничего не сказать. Он ее боготворил, молился и готов был сделать для нее буквально все. Баловал, одним словом. Баловал, потому что ребенок-то, так сказать, поздний. Война была. Оба были на фронте. Как тут заведешь ребенка? Безответственно! И только в мае сорок пятого, после Победы решились сделать «заказ». Так что папочкой стал лишь в сорок с хвостиком.

Беременность у Светланы Викторовны, к тому же, проходила сложно. Понятно: возраст! Врачи откровенно не рекомендовали рожать, утверждая, что возможен во время родов

летальный исход – либо для роженицы, либо для ребенка. Конечно, Степан Васильевич мечтал о ребенке, но не настаивал, готов был смириться с мыслью о прерывании беременности. Но супруга, понимая, что такое ребенок для него, – решительно заявила, что будет рожать; что она уверена – все будет нормально.

В самом деле, все обошлось. Хоть и родилась девочка несколько ослабленной, но здоровенькой и вес стала набирать буквально на глазах. Более того, для роженицы без сколько-нибудь серьезных последствий.

Степан Васильевич, понятно, был атеистом. Но с появлением дочурки все чаще стал задумываться о существовании каких-то неземных сил, влияющих на человеческие судьбы. Ведь, вот, кто-то же сделал ему такой подарок. Кто? На земле таких нет. Все были против. Значит… Если очень-очень чего-то захотеть и попросить, попросить у НЕГО, то… Думать-то он думал обо всем этом, но вслух не заговаривал, даже в семье, даже с родной матерью, на руках которой выросла девочка. Говорить – нельзя. Но, слава Богу, хоть думать-то не могли запретить советскому человеку. Правда, и он это знал, как никто другой, иногда и за одни лишь мысли отправляли на Колыму. Он по-прежнему оставался атеистом. Но червь сомнений начал подтачивать его идейные устои. Впрочем, об этом не мог знать никто.

2

…Степан Васильевич, расцеловав девочку, неся ее на руках, крепко-крепко прижимая к груди, прошел в гостиную. Но там его поджидал сюрприз. Он вошел и увидел сидящего на тахте своего помощника, капитана Некрасова. Он поставил девочку на пол.

– Так-так… А ты что тут делаешь? – он не стал дожидаться ответа, а крикнул в коридор. – Мама, зачем ты его впустила?!

На пороге появилась маленькая и худенькая, седая, как лунь, старушка.

– Сынок, не сердись на помощника, ладно? Он не хотел. Он собирался уйти. Я уговорила подождать. Сказала, что ты, Степа, вот-вот появишься.

Генерал решил пошутить.

– Если это решение Верховного Главнокомандующего, – так он называл мать лишь в очень хорошем расположении духа, – быть по сему, – он повернулся к стоящему уже на ногах капитану и погрозил пальцем. – Но ты у меня смотри, чтобы без этих штучек. Телефон есть! Могу я хотя бы в свой законный выходной не видеть тебя?

– Виноват, товарищ генерал. Но у меня такое дело, что, – он остановился и посмотрел на генеральскую мать, все еще стоящую в дверях гостиной.

Генерал обернулся к матери.

– Мама, оставь, пожалуйста, нас одних. И дочурку забери.

– Да ладно вам… Прямо! Нужны вы мне с вашими тайнами. Секретничайте, хоть до посинения.

Мать вышла и с собой увела внучку.

– Так что у тебя? И присаживайся. Не стой, как истукан.

Капитан выполнил приказ и присел назад на тахту.

– Понимаете, товарищ генерал…

Чернышев недовольно прервал.

– Я пойму – не сомневайся. Но лишь после того, как доложишь. Короче!

– Капитан Шестаков…

– Что с ним? Что еще мог натворить этот мерзавец?

Хоть и в домашней обстановке, но все равно Некрасову нелегко приходилось с генералом.

– С ним – ничего, товарищ генерал…

– А с кем?

– Час назад в управлении появился Шестаков…

– Зачем? Лично я его видеть пока не готов – слишком рано.

– Он пришел с очень важным сообщением, товарищ генерал.

– С каким еще?

– Последние дни капитан Шестаков по вечерам, по собственной инициативе (говорит, чтобы загладить вину) стал мотаться по городу. Он появлялся там, где большое скопле-

ние народа – на вокзалах, на остановках транспорта, возле кинотеатров и ресторанов, в парках и скверах.

– Зачем?

– Он видел парашютиста и ему легче его опознать. Он понадеялся на удачу. Он подумал, что может встретить его…

– И что? Встретил?!

– Так точно, товарищ генерал. Час с небольшим назад. Увидел в толпе зрителей, выходящих из кинотеатра «Октябрь» после сеанса.

– Этого не может быть! Он, наверняка, перепутал. Сотни людей уже две недели рыщут и – ничего. А он? Пошел – нашел? Так только в сказках бывает.

– Нет оснований, товарищ генерал, ему не верить.

– Оснований верить ему ровно столько же… Москва мне по десять раз на дню мылит шею. И из-за кого? Из-за него, ротозея!

Генерал встал, прошел к книжным полкам, отодвинул несколько книг, залез туда рукой и стал шарить. Нашарил. Вытащил початую пачку «Беломора» и бензиновую зажигалку, фронтовую. Вынул папироску, придавил бумажный мундштук, щелкнул зажигалкой и прикурил. Сделав первую затяжку, он вернул назад папиросы и зажигалку, поправил книги. Все на полке выглядело по-прежнему: комар носа не подточит. Видя, с каким неподдельным интересом за его манипуляциями наблюдает Некрасов, заметил:

– Приходится.

– Но вы же, товарищ генерал, не курите.

– С вами любой закурит. И не только. Можно и запить… Да, слушай, капитан, может, тяпнешь стопаря? – он потянулся к буфету. – Я налью.

– Мне нельзя. Вы же знаете, товарищ генерал.

– Ты прав, нельзя, но если очень хочется, то можно.

– Никак нет, товарищ генерал: я – на службе.

– Ты с кем споришь? Приказы не обсуждаются, а исполняются.

– Если только так…

– Извини, я пошутил.

Генерал, докурив папиросу, затушил окурок, оторвал от лежащей на столе газетки клочок, и тщательно упаковал в бумагу.

– Прячу улики, – подмигнув капитану, сказал он и присел за стол. – Допустим, Шестаков действительно столкнулся с тем, кто нам нужен, – он с минуту помолчал. – Да, где он сейчас?

– Кто, товарищ генерал? Шестаков? Он ждет в управлении.

– Нет. Где парашютист?

– Гуляет по городу.

– Что, опять?! И что мне с вами делать, а?

– Не волнуйтесь, товарищ генерал, все под контролем.

– Как понять «под контролем»?

– Буквально, товарищ генерал.

– Так ты не все мне рассказал?

Капитан осмелел, поэтому и ответил:

– Вы мне не даете сделать это, товарищ генерал.

– Даже так? – генерал удивленно уставился на своего помощника. – Извини, капитан. Теперь – слушаю и молчу, пока не расскажешь все, что считаешь нужным. Итак…

– Капитан Шестаков издали заметил выходившего в толпе парашютиста. Времени у него не было, поэтому на ходу принял решение…

– Неужели пошел на задержание? Не следовало этого делать… Вот, черт! Не везет так не везет.

Капитан совсем обнаглел, напомнив генералу:

– А вы обещали…

– Извини, молчу.

– Шестаков, опустив вниз голову, как бы задумавшись, пошел ему навстречу и натолкнулся на него. Сначала сказал: извините, задумался. Потом поднял глаза на него и воскликнул (воспроизвожу по его рассказу): «Это вы? Откуда? Вы же говорили, что путь держите в Новосибирск?» Тот, ничуть не смутившись от встречи, спокойно сказал: «Рад, товарищ капитан, что вас встретил. Спасибо, что поддержали в трудную минуту. Если бы не вы…» Шестаков спросил: «А где ваш товарищ?» «Я свои дела сделал, – ответил парашютист, – и теперь возвращаюсь домой, а приятель еще остался в Новосибирске. А я решил сделать остановку в Свердловске. Думал, завтра зайти к вам и поблагода-

рить». Капитан, видя, что тот намеревается поскорее отвязаться от него, спросил: «Когда дальше путь? Ночью? Что ж, счастливой поездки». На том и расстались.

– Мужик-то головастый, оказывается, как считаешь?

– Вы о капитане Шестакове?

– О ком же еще?

– Согласен с вами, товарищ генерал.

– Какой молодец!

– И потом, товарищ генерал, он действовал не менее четко. Не упуская из вида парашютиста, по телефону-автомату позвонил в шестое отделение, и вызвал на подмогу оперативников в штатском, чтобы те крутились возле летнего кафе, что на углу Ленина и Карла Либкнехта и ждали его дальнейших указаний. Далее он заскочил в магазин, взял бутылку портвейна и сделал так, чтобы вновь как бы нечаянно столкнуться с парашютистом. Шестаков предложил зайти в кафе и принять по чуть-чуть. Тот стал отказываться, но Шестаков уговорил. Там, в кафе, взяв под закуску две порции сыра, уселись за столик. Налил в стаканы до краев. Предложил выпить за знакомство. Парашютист лишь пригубил, и пить не стал. Но Шестаков, чтобы не возбуждать подозрений, одним духом опорожнил стакан. Потом налил еще столько же и выпил также. Через минут двадцать окосел…

– В самом деле?

– Нет, не совсем. Притворился. Полез обниматься к тому, целоваться. И, наконец, засобирался домой. Вышел из ка-

фе, завернул за угол, огляделся, убедился, что тот все еще в кафе, приблизился к стоявшим оперативникам и приказал «пасти»… До тех пор, пока их не сменят. А сам – сразу к нам. Зная, что это дело у вас на личном контроле (да и Москвы – тоже), решили погодить с решительными действиями, до получения лично ваших инструкций, товарищ генерал. Вот, собственно, и все.

– Значит, так… – генерал, подумав, заметил. – Наверное, следовало сразу же снять с «хвоста» оперативников шестого отделения. Как-никак, а это сподручнее чекистам: объект-то чрезвычайно хитер – не какой-нибудь уголовник.

– Так и сделано, товарищ генерал. Всю ответственность взял на себя подполковник Савельев, старший оперативный дежурный управления. Однако он не решился отдать приказ на задержание.

– Вот это правильно. Спешка, сам знаешь, в каких случаях нужна. Вот что, – генерал встал, – я пошел облачаться, а ты, тем временем, позвони Савельеву и от моего имени прикажи, чтобы сейчас же подняли по тревоге всех руководителей оперативных групп, задействованных по делу… для инструктажа. Я сейчас подъеду. Обговорим, как дальше действовать.

– Как я понимаю, товарищ генерал, вы не намерены задерживать парашютиста?

– Ты правильно понял. Есть, капитан, у меня идейка.

Шифровка в Москву из УМГБ Свердловской области:

«Докладываю: нами взят в плотное кольцо объект „Z“. За ним установлено круглосуточное наблюдение. О плане дальнейших действий сообщу через два часа. Генерал Чернышев».

Глава пятая

1

Ольга Ивановна Емлина, инженер-технолог на заводе, именуемом в народе «333» (или «три тройки») несколько часов назад, вернувшись с работы (воскресенье выдалось рабочим: по графику), не застала его дома. И теперь ходила, психуя, из угла в угол, поджидая дружка-любовника. С ним она стакнулась неделю назад, возле оперного. У него было на руках два билета, а она ловила желающего поделиться лишним билетиком. Она хотела купить, но он решительно стал возражать: сказал, что ему будет приятно сидеть на постановке с такой милой женщиной; что он просто дарит лишний билетик. Там, в театре разговорились. Обоих потянуло друг к другу. Оба были примерно одного возраста. Оба изголодались по дружбе. Он ей понравился, потому что высок и строен (мужик, что надо, – кровь с молоком); потому что подчеркнуто деликатен и уважителен к ней. А она ему? Кажется, – тоже. Немудрено: женщина, несмотря на свои тридцать, хороша собой. Особенно большие серые глаза и огромные две русые косы, спускающиеся ниже поясницы. Ей говорили подружки, завистливо глядя на косы, что, мол, ее время прошло для ношения кос, что пора сменить причес-

ку, что короткие волосы ей больше к лицу. Она слушала, согласно кивала, но не собиралась следовать их советам. Она – молодилась. Она понимала, что ее косы – краса и гордость; что именно на них чаще всего заглядываются мужчины. Им, мужчинам, изрядно поднадоел всеобщий перманент или химзавивка.

Она также понимала, что глаза и косы – достоинства не единственные. Тело, например. Да, в войну была страшной худышкой, как говорится, кожа да кости. Но потом постепенно, как только мирная жизнь стала налаживаться, появились милые сердцу мужчин округлости.

Короче, все при ней. Но, тем не менее, была страшно одинока. В личной жизни сразу у нее не заладилось. В сорок первом она любила и была любима. Ей тогда было восемнадцать. Она готовилась к сдаче госэкзаменов за десятилетку. У нее был парень, на три года старше ее. Но в июне началось. Парень решил идти на войну добровольцем, хотя и имел «бронь», так как работал все на том же заводе – «три тройки». Добившись своего, понимая, что может не вернуться с войны, парень настоял, чтобы они сходили в районный отдел ЗАГСа и официально оформили брак. После получения свидетельства о браке прошло четыре дня, и ее муж ушел на фронт. Ушел и не вернулся: за год до окончания войны его подстрелили в Западной Украине бандеровцы.

Естественно, горевала, получив похоронку. Но – время лечит. Однако, судя по всему, все-таки не до конца. Потому

что ее первая любовь по-прежнему не давала ей возможности наладить личную жизнь. Потому что Ольга каждый раз, познакомившись с мужчиной, невольно сравнивала его с любимым Николенькой. Сравнения обычно не в пользу новых знакомых.

Этот, нынешний, вроде бы во всем ей пришелся по душе. Конечно, неделя знакомства – не то время, чтобы хорошо узнать человека. Но она сразу отметила: с ним ей очень хорошо, впервые, можно сказать, после смерти Николеньки. Хорошо ей и в постели, когда занимаются любовью. Полная гармония.

После окончания спектакля новый знакомый пошел ее провожать. Да так и остался у нее. Ее однокомнатная квартира находится в городке чекистов. Она получила эту квартиру в сорок шестом, как вдова фронтовика, погибшего за Родину. Сейчас, находясь одна, Ольга вновь размечталась. Мечты прервал звонок в дверь. Она рванулась в прихожую и распахнула дверь. Пришел он. Она хотела выговорить ему за долгое отсутствие, но раздражение сдержала. Бросившись на грудь, жарко расцеловала. Он легонько отстранил Ольгу и стал снимать обувь. Поставив туфли на место, прошел в туалет и стал умываться.

Ольга заглянула к нему.

– Ужинать будешь? Или, может, сразу в постель?

– Нет уж, – возразил, отфыркиваясь от воды, он. – Для начала лучше – подкрепиться, а там – посмотрим, будем дей-

ствовать по обстоятельствам.

Ольга ушла на кухню. А вскоре появился там и он.

– Разогреваю макароны по-флотски… Будешь?

– Это, значит, отварные макароны с мясным фаршем? – спросил он.

– А ты разве никогда не ел?

– Нет, еще не пробовал. Но слышал, что должно быть очень вкусно.

– Ты меня удивляешь: это блюдо в меню любой послевоенной чайной или кафе.

– Я знаю. Но не довелось как-то брать.

– Жаль.

– Это еще почему, Олюсенька?

– Не с чем будет сравнить, не сможешь сказать, где вкуснее, – у меня или в столовке.

– Не огорчайся, милая, – он подошел к ней сзади и крепко прижал к себе. – Я и так знаю, что у тебя будет намного отменнее, потому что приготовлено твоими ручками, – он чмокнул ее в шею и, отойдя, сел на табуретку, придвинутую к столу.

Она задрожала. Ее всегда и сразу бросало в дрожь, а ноги от сладкой истомы подкашивались, когда он к ней прикасался, – губами, телом или руками. Он ел, а она, сидя напротив, с удовольствием наблюдала, как он это делает. Она видела, что макароны по-флотски ему действительно понравились.

– Вася, – обратилась она к нему, но тот почему-то, оче-

видно, увлекшись едой, не прореагировал.

– Вася, – вновь повторила она.

– А? Что? Ты ко мне?

– К кому же еще-то? Кроме тебя, здесь, кажется, никого больше нет.

– Извини, Олюсенька, задумался.

– Странно, но я не первый раз замечаю, что ты как-то не совсем привычно реагируешь на свое имя – так, как будто оно и не твое. А, вообще, тебя на самом деле Васей зовут? Не обманываешь? Не издеваешься надо мной? Не лапшу ли на уши доверившейся тебе женщине навешиваешь, а?

– Что ты, Олюсенька, как можно?! Не бери себе в голову разные глупости. Я – мужик серьезный и на подобное не пойду, – заметив на себе ее недоверчивый взгляд, спросил. – Не веришь? Можешь паспорт посмотреть. Значит, не доверяешь? Даже обидно.

– У нас говорят: доверяй, но проверяй. Дай-ка, милый, я в паспорт твой (на всякий пожарный) гляну. Сдается, что вовсе и не Вася ты. Да и в смысле твоего нынешнего семейного положения не грех проверить наличие соответствующего штампа.

Он встал, вышел из кухни и тотчас же вернулся с паспортом в руке.

– Вот, смотри, если тебе так интересно, – он сердито бросил перед ней документ.

Она, не смущаясь, взяла, раскрыла и прочитала вслух:

– Томилин Василий Митрофанович… А и верно, – она встала, подошла к нему и, обвив шею, легонько прикоснулась губами к его шершавой щеке. – Знаешь, что бы я с тобой сделала, если бы обнаружила неправду?

– Убедилась?

– Да.

– Тогда – верни мне паспорт, – он потянулся за документом, но Ольга отдернула свою руку.

– Нет уж… Надо взглянуть и на штамп.

Он стал ее поддразнивать.

– Отдай, а? Ну, пожалуйста? Ну, почему ты мне не веришь?

– А почему ты вдруг заартачился? Почему не хочешь, чтобы я взглянула на соответствующую страницу? Испугался, да? Не боись, бить не буду. Я только вышарю тебя за дверь. Но это для такого, как ты, не страшно, – Ольга явно озорничала. – Быстро найдешь дуру, подобную мне, и она пригреет тебя.

– Не дури, Олюсенька, отдай паспорт.

– Не отдам. Пока не посмотрю, – она стала быстро-быстро перелистывать страницы документа. – Ага, вот! Но здесь нет ничего! – разочарованно воскликнула она.

Он заливисто захохотал.

– А ты что хотела там увидеть?

– Штамп.

– Ну, и как?

Она легонько шлепнула его по спине.

– Издеваешься?!

Он встал, взял ее в охапку и понес в постель.

– Только там тебя и можно успокоить, ревнивица.

– Отпусти, дурень. Куда ты несешь? А чай?

– Чай? После того!

2

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«В тот вечер всех нас подняли по тревоге. Не знали, но догадывались, что операция по обезвреживанию американского шпиона близится к своему логическому завершению. Прибыв в управление, я узнал, что не кто-нибудь, а именно он, капитан Шестаков, сделал то, что должны были сделать мы, если бы, конечно, нам повезло. Значит, не судьба. Впрочем, так случится в период моей долгой службы еще много раз. Работают над операцией десятки, а то и сотни, людей, но удача подстерегает лишь одного. Хотя в том случае все очень правильно: он, Шестаков, как говорится, опростоволосился в первый раз, а вот во второй раз должен был доказать, что он не потерянный человек для органов; что в том случае была обычная случайная оплошность, от которой никто не застрахован – никто (подчеркну особо) из работающих».

Генерал Чернышев, сопровождаемый своим помощником

Некрасовым, стремительно вошел в управление, поднялся на второй этаж, повернул налево. Возле дверей своего кабинета увидел группу офицеров. Поздоровавшись кивком со всеми сразу, он прошел к себе. Первым пригласил подполковника Савельева. Тот коротко и без каких-либо эмоций доложил ситуацию, которая складывается на данный час. Генерал выслушал молча, и, казалось, не слушал доклад, а думал о чем-то своем. Закончив сообщение, Савельев замолчал, ожидая либо вопросов, либо приказаний.

Генерал, с минуту помолчав, выдержав паузу, спросил:

– Где в данную минуту?

– Пять минут назад звонил старший лейтенант Игнатов, сообщил, что он в квартире своей знакомой. Судя по всему, будет там ночевать.

– Будет там ночевать или где-то еще – следить бдительно, не оставлять без присмотра дверь квартиры и балкон ни на минуту.

– Но я, товарищ генерал, подготовил все для захвата. Операцию считаем целесообразным начать в половине четвертого утра, тогда, когда особенно крепко спится.

– Он ничего не заподозрил? Как считают оперативники? Как он ведет себя? Спокойно?

– Так точно, товарищ генерал, абсолютно спокойно.

– Это лишь значит, что ночь пройдет спокойно… Хорошо… А там…

– Товарищ генерал, вы ничего мне не сказали в отноше-

нии плана по захвату парашютиста. Вы даете «добро»?

Генерал недовольно поморщился.

– Вам бы только хватать, – он встал, подошел к угловому столику, налил из графина полстакана воды и сделал несколько глотков, потом вернулся на свое место. – Захвата не будет – ни сегодня, ни завтра, то есть никогда.

– Я что-то вас не понимаю, товарищ генерал… Впрочем, я готов дать отбой.

– Да, будь добр, дай отбой, подполковник.

– Слушаюсь… Разрешите идти?

– Зачем же? Попроси зайти всех руководителей оперативных групп… для инструктажа. Естественно, твое присутствие также обязательно.

– Слушаюсь, – Савельев направился к выходу, но уже у дверей остановился, повернулся лицом и спросил. – Товарищ генерал, разрешите обратиться?

– Что еще, подполковник?

– Может… и вместе с другими Шестакова пригласить?

– А он сейчас где?

– Здесь.

– Но я его возле кабинета, среди собравшихся не видел.

– Он – внизу, в моем кабинете сидит.

– Так… Умен, мерзавец, находчив. Впрочем, школа-то какая – фронтовая. Он и там разведчиком был классным. Ни разу не подвел. Я с ним от стен Сталинграда дошел до Вены… Ну, и сукин же сын он!.. Пусть вместе со всеми захо-

дит… Отругал при всех. Значит, и поблагодарить за службу должен также при всех… Да… Он как? Нормально чувствует себя, подполковник?

– Вы насчет трех стаканов портвейна, товарищ генерал?

– Именно!

– Как огурчик.

– Приятно слышать. Впрочем, и не удивительно. Разве фронтовика можно «подкосить» каким-то портвейном? Спиртом – другое дело. А портвейном… тьфу, гадость-то какая. А ты, подполковник, как?

– Я, товарищ генерал? «Чернила» употреблять – последнее дело. Вот, если водочки да нашенской, русской, светленькой, свердловского производства – с превеликим удовольствием.

Шифровка в Москву из УМГБ:

«Направляя наш план дальнейших действий в отношении объекта „Z“, прошу срочно сообщить ваше мнение. При получении вашего одобрения, приступаем к операции. Чистоту ее проведения гарантирую. Генерал Чернышев».

Глава шестая

1

В понедельник, когда часы на вахте показывали четверть десятого, в учреждение на Вайнера, 4 вошла с авоськой в руке молодая и очень привлекательная женщина. Дежурный сержант это сразу отметил. Он встал и спросил:

– Гражданка, вы к кому? По какому делу?

– По делу, как мне кажется, очень важному. А вот кому рассказать – даже и не знаю. Могу и вам, но… Лучше бы – самому главному.

– «Самому главному», скорее всего, не получится. А вот дежурный офицер… Одну минуточку, – сержант стал набирать номер, и вскоре на том конце провода ответили. – Товарищ капитан госбезопасности, тут гражданка пришла… Да, утверждает, что по какому-то важному делу хочет сделать какое-то заявление… Слушаюсь… Понятно… Хорошо, – сержант положил трубку. – Сейчас, гражданка, спустится капитан, с ним пройдете, и он выслушает вас… Да, я забыл спросить: может, вам лучше с сотрудником милиции, в райотделении переговорить?

– Нет, что вы, именно мне нужен сотрудник госбезопасности… Я, конечно, точно не знаю, но мне так кажется.

В это время появился молодой человек в штатском.

– Вот, – сержант кивком указал на женщину.

– Пройдемте со мной, гражданка, – сказал молодой человек в штатском.

Войдя в свой кабинет, молодой человек придвинул к письменному столу мягкий стул, отстоявший далеко, и пригласил женщину присесть. Только после нее присел за столом и он.

– Слушаю вас, Ольга Ивановна…

– Простите, разве мы с вами когда-то встречались? Откуда вы меня знаете?

Емлина, а это была именно она, была потрясена, что первый же встретивший сотрудник госбезопасности ее, оказывается, знает и называет по имени и отчеству.

– Ольга Ивановна, – мягко сказал молодой человек, – служба у меня такая, чтобы знать людей. Особенно, если они работают на оборонном заводе. А, кроме того, мы с вами живем в городке чекистов. Только мой дом стоит параллельно улице Луначарского, а ваш рядом, но перпендикулярно.

– Никогда бы не подумала, что обо мне здесь знают.

– Напрасно. Наши органы для того и существуют, чтобы знать о людях многое… Извините, но давайте на этом ваше любопытство, то есть задавание вопросов, прекратим. Мы не любим отвечать на вопросы. Мы любим спрашивать и слушать ответы. Итак, я готов слушать. Рассказывайте, зачем пришли, что вас привело?

– Понимаете, не знаю с чего начать, – женщина замялась.

– Кстати, я вам не представился. Извините. Я – капитан госбезопасности Некрасов, помощник начальника УМГБ… А начните, советую, с самого начала.

– Чуть больше недели назад… Извините, я молодая и одинокая женщина, так что…

– Вы не смущайтесь. Рассказывайте все, что считаете нужным. Дальше этого учреждения ваш рассказ не выйдет. Будьте спокойны.

– У оперного, перед самым началом спектакля познакомилась с молодым мужчиной. Я, конечно, хотела купить его лишний билетик, но он отказался взять деньги… Мы познакомились… Он проводил меня до дома и остался… С того вечера он живет у меня.

– Вы вдова, уже много лет. В чем проблема? Разве вы не вправе проводить личное время так, как вам хочется, с кем хочется? Надеюсь, ваш приятель холост? Но даже если и нет, то и в этом случае это нашего ведомства не касается.

Емлина вновь отметила, но теперь про себя, что здесь ее хорошо знают.

– Я тоже так считала. Но лишь до вчерашнего вечера…

– Что же случилось вчера вечером?

– Собственно говоря, ничего особенного… Просто – мне кое-что в новом знакомом показалось странным…

– И что же именно?

– Иногда… Иногда он как-то непривычно для меня реагирует на свое имя… Вы меня понимаете?

– Пока – не совсем.

– Обычно – Вася, Вася, Вася – и он нормально. Но иногда вдруг он перестает реагировать. У меня появляется ощущение, что он забывается, утрачивает бдительность; что это и не его настоящее имя.

– Поясните, пожалуйста: вы подозреваете, что вашего нового знакомого зовут не Васей?

– Да.

– А вы бы взяли и проверили его паспорт: в конце концов, нет в этом ничего особенного. Он проживает у вас, и вы должны знать, кто у вас проживает, пусть и временно.

– Вчера вечером я так и сделала. Но… По паспорту получается, что он Вася… Василий Митрофанович Томилин.

– Вот видите, ваши подозрения оказались напрасными…

– Если бы это было так, то я бы к вам не пришла. Мне почему-то кажется, что паспорт не его; что он не тот человек, за кого себя выдает. Во всяком случае, он – не Василий. Но если не Василий, то кто же? И почему в паспорте стоит имя Василий?

– Успокойтесь, мы вашу информацию приняли к сведению и…

– Но это не все, товарищ капитан!

– А что еще?

– Сегодня под утро он во сне сначала что-то нечленораздельное бормотал, чем и разбудил меня, но потом очень внятно (знаете ведь, как подчиненный военный разговарива-

ет с вышестоящим?) сказал четыре слова: «Будет исполнено, господин сержант!» То, что сержант, – понятно: отголоски войны. Но почему «господин»?!

– У вас все, Ольга Ивановна?

– Да. Извините меня. Я, наверное, пришла и кажусь вам вздорной бабой. Вот, мол, пришла в такое солидное учреждение с какими-то женскими глупостями. Но я считала своим долгом сообщить о своих подозрениях. Тем более, как вы сами подметили, я работаю на оборонном заводе. И интерес его мог быть продиктован не столько интимной стороной, а еще чем-то другим. Мне показалось, что он не случайно познакомился со мной.

– Вам не за что извиняться, Ольга Ивановна. Вы пришли далеко не с глупостями… Сожалею, что большего сказать не могу, не имею права. Вы успокойтесь. Постарайтесь и дальше вести себя с вашим знакомым Васей так, как будто вы ни в чем его не подозреваете. Хорошо? И, главное, ни в коем случае, ни при каких условиях никому, тем более вашему Васе, не говорите, что были у нас. Договорились?

– Да… Но в течение всей нашей встречи, товарищ капитан, меня не покидало ощущение, что вы о моем приятеле знаете… Это верно? Я не ошиблась?

– Извините, Ольга Ивановна, но ни на один ваш вопрос ответить не могу. Я уже вам сказал.

– Ну, – Емлина встала и направилась к выходу, – я пошла.

– Одну секунду, я вас провожу.

– Я выход, товарищ капитан, сама найду.

– Но вас не выпустят.

– Почему? Я пришла к вам добровольно, уйду от вас также добровольно.

– Но у нас так бывает не всегда: человек приходит иной раз добровольно, но уходит уже в наручниках. Так что… положено в вашем случае вас проводить.

Они вышли из кабинета вместе. Подойдя к вахте, тот же сержант встал и спросил:

– Все в порядке, товарищ капитан?

– Да. Гражданка может быть свободна.

Сержант вышел из своей будки и проводил до выходных дверей женщину. И, даже, открыл перед ней дверь.

2

Шифротелеграмма из Москвы в УМГБ Свердловской области:

«Действуйте, как считаете нужным. Но за провал операции – отвечаете головой. Генерал Троицкий».

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Должен заметить, что тогда умели хранить и охранять секреты. Тем более, когда речь шла о таком объекте, как так называемый лагерь „100“. К ним, к таким объектам, естественно, было привлечено самое пристальное внимание западных спецслужб, которые, не жалея средств, го-

товили все новых и новых агентов и внедряли на территории нашей области. Работенки хватало нашим чекистам. Можно сказать, с лихвой. Работали они хорошо, поэтому у западных спецслужб то и дело возникали проблемы, связанные с оборонными объектами Урала. Да, агентура пользовалась и слухами, однако их хозяева требовали, чтобы любой слух затем был подтвержден достоверной информацией. За поставляемую „дезу" с агентов строго спрашивали и наказывали. Долларом, конечно. А, иногда, и головой».

Генерал Чернышев спустился вниз, к оперативным дежурным, что он делал крайне редко. И этим самым привел в настоящее смятение всех находившихся там. При его появлении все вскочили со своих мест и застыли по стойке «Смирно!» Они не знали, чего ждать, – благодарности, что маловероятно, или хорошего нагоняя, что может статься гораздо ближе к истине.

– Вольно, товарищи офицеры. И продолжайте работать, не обращая внимания на меня.

Все сели на свои места. А он прошел к столу старшего оперативного дежурного Савельева. Тот вскочил снова, но рукой генерал приказал сидеть.

– Как обстановка, подполковник?

– По области, товарищ генерал, обстановка нормальная: за текущие сутки не зарегистрировано ни одного убийства. Также нет ни одного преступления из категории тяжких.

– Но я, подполковник, не об этом. Я – о ситуации вокруг

нашего подопечного.

– Там – согласно плану, товарищ генерал. Все идет нормально. Группы, сменяя друг друга, все время у него на «хвосте». Согласно вашей инструкции, оперативники не скрывают, что контролируют каждый его шаг. Со вчерашнего вечера в квартиру Емлиной не возвращается. Мечется по городу – днем и ночью. Он, судя по поведению, понимает, что находится фактически в наших руках. Но чего не понимает, так того, почему мы, не спуская с него глаз, не идем на задержание. Если судить по докладам руководителей оперативных групп, то он занервничал, психологически подавлен постоянным столь явным нашим присутствием. Догадывается, что его товарищ, второй парашютист завалился и уже не придет на явку. Очевидно, поэтому и не стал получать предназначенный ему перевод, а решился обратиться к родителям за помощью. Разрешите, товарищ генерал, – Савельев замялся, очевидно, не решаясь задать мучивший его вопрос.

– Что такое, подполковник?

– А мы не рискуем, товарищ генерал?

– Ты о чем?

– Может сломаться и решиться на самый крайний шаг – на самоликвидацию.

– Согласен, риск есть, подполковник. Однако мой опыт подсказывает, что он – на пределе. И вот-вот, в самом деле, сломается… Но не в смысле самоликвидации, а в смысле яв-

ки к нам с повинной. Чего, собственно, я и добиваюсь. Психологически подавленный враг – вовсе уже и не враг наш, а больше – союзник, возможный помощник.

– Значит…

– Это значит, подполковник, что игра кошки с мышкой продолжается. Пусть круглосуточно мышка видит, что она в когтях кошки, но кошка кушать ее, мышку, не собирается. Пусть по-прежнему наши люди откровенно мозолят ему глаза своим постоянным присутствием – на вокзале, возле билетной кассы; в чайной, когда зайдет перекусить; в сквере, когда решит передохнуть на лавочке; в трамвае, если куда-то поедет… Короче – везде и всюду рядом должен быть наш человек, в форме МГБ и в штатском. Затравленный зверек либо станет огрызаться и тогда станем брать, либо сам, видя безвыходность положения, придет к нам. Предпочтительнее – второй вариант. Хуже, если попробует скрыться за пределами области и станет отрываться от надоевшего до смерти «хвоста». В таком случае, как ни прискорбно, придется брать и самым решительным образом… Подполковник, ваш генерал – бо-ль-шой оптимист и всегда рассчитывает на лучшее… Подождем… У нас и у него время еще есть… Так что игра продолжается…

3

В это время в дежурную часть вбежал запыхавшийся по-

мощник.

– Куда торопимся, капитан? – с явными шутливыми нотками в голосе спросил Некрасова генерал. Все присутствующие заулыбались, так как все поняли, что Чернышев находится в отличном настроении и чистки мозгов не предвидится.

– Товарищ генерал, на проводе – первый секретарь обкома партии Кириленко[2] и хотел бы с вами лично переговорить… Переговорить сейчас же!

– Хорошо, капитан. Сейчас – поднимусь к себе и переговорю. Нет проблем.

– Мне пойти и сказать, чтобы подождали на проводе?

– Иди, капитан, и скажи, что я вот-вот буду.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

Некрасов вышел, а генерал вновь обратился к Савельеву:

– Тебе все ясно, подполковник?

– Так точно, товарищ генерал!

– А что именно тебе «ясно»?

– По-прежнему сидеть на «хвосте», по-прежнему плотно опекать, то есть мурыжить… И ждать кризиса.

– Молодец, подполковник. Ты все очень правильно понял. А это означает одно – я могу быть спокойным за успех операции, – и уже на выходе из дежурной части, обращаясь ко всем

---

[2] Это тот самый Андрей Павлович Кириленко, который, «отличившись» на ниве уральского сельскохозяйственного производства, впоследствии станет одним из секретарей ЦК КПСС и членом политбюро.

присутствующим, генерал добавил. – Всего наилучшего, товарищи офицеры, успехов вам. И еще: не надо так уж бояться начальства; оно, начальство, тоже иногда бывает с человеческим лицом.

Офицеры были не лишены чувства юмора, поэтому на шутку генерала прореагировали правильно. Хотя не переставали помнить крылатую фразу из произведения Грибоедова: избави пуще всех печалей – и барский гнев, и барскую любовь.

Глава седьмая

1

Шифротелеграмма из Москвы в УМГБ Свердловской области:

«Установлено, что объект „Z“ имеет при себе паспорт советского образца на имя Томилина Василия Митрофановича, жившего до войны в селе Светлояр Тамбовской области. Паспорт подлинный, не фальшивка. Паспорт выписан Крутихинским райотделом НКВД Тамбовской области в сорок шестом, после войны и был переправлен на Запад. Паспорт выписан, как показала проверка, на основании красноармейской книжки красноармейца Томилина Василия Митрофановича, который в сорок четвертом году погиб в Белоруссии и там же похоронен в братской могиле. Каким образом красноармейская книжка погибшего оказалась во вражеских руках – пока не установлено. Генерал Трощкий».

Чернышев поднялся к себе, на второй этаж, вошел в кабинет, подошел к своему столу и взял лежащую телефонную трубку.

– Здравия желаю, Андрей Павлович! Простите, что заставил ждать. Спускался к оперативному дежурному, интересовался обстановкой… Доложить?.. Понял, докладываю…

За прошлые и текущие сутки ситуация с преступностью в области под контролем. Ни одного серьезного происшествия не зарегистрировано… Вы правильно поняли: все нормально… Что?.. Понимаете… Дайте же мне сказать, Андрей Павлович… Вам Москва сообщила?.. Странно… Я не думал, что это представляет интерес для первого секретаря обкома партии… Не спорю… Согласен с вами, что вы хозяин области и что вы… Поймите меня правильно, но я собирался доложить после завершения операции, а пока и докладывать, собственно, нечего… Я вас, Андрей Павлович, прекрасно понимаю, но и вы меня должны понять: речь идет о материалах совершенно секретных… То есть?.. Да что вы, Андрей Павлович, я не вправе вам не доверять… Вы не так меня поняли… Да?.. Вот даже как!.. Нет и нет!.. Что?.. Повторяю, нет!.. С погонами и звездой на них?.. Пока все в порядке, а там – видно будет. Все под Богом ходим… Хорошо, в двух словах история такова: на территории Западной Украины выброшены два парашютиста. Один провалился там же, на месте, второй успешно скрылся, и направился выполнять задание к нам, в Свердловскую область… Цель?.. Сбор разведывательных данных об оборонных объектах, прежде всего о лагере «100»… Где он сейчас?.. Чем занимается?.. Мы сидим у него на хвосте… Он?.. Мы и не скрываем… Да-да… Никуда не денется… Почему не берем?.. Считаем рано еще… Москва говорит, что мы заигрались?.. Не знаю… План действий одобрен Москвой… Никаких других указа-

ний не поступало… Обманываю? Вас, Андрей Павлович?! Это какое-то досадное недоразумение и не более того… Перед партией я чист: ни до войны, ни во время войны, ни сейчас, после войны у меня в мыслях не было, чтобы обманывать партию… Простите, еще раз повторю: досадное недоразумение… Обязательно, Андрей Павлович… Непременно доложу по завершении операции… Лично прибуду и доложу во всех подробностях… Что?.. Я такого же мнения: обком партии должен знать обо всем, что происходит в Свердловской области… Сомневаетесь?.. Напрасно: я не давал повода для недоверия… Да-да, я очень дорожу партбилетом… Его пронес в нагрудном кармане всю войну… Сейчас совсем не намерен с ним расставаться… Еще раз извините за недоразумение… Спасибо… Вам также желаю здравствовать… Всего наилучшего… Да… До встречи…

Чернышев положил трубку и нервно заходил по кабинету. Прежнего благодушия как не бывало. Он ходил и рассуждал вслух:

– Кто, кому это надо? Зачем Москве стравливать меня с Первым? Явно кто-то подсунул искаженную информацию. Ради какой цели? Москве ли не знать, что я выполняю в этом деле только их указания? Москве ли сомневаться в моей партийности? Кириленко ли подозревать меня? Невероятно! Идет какая-то подковерная борьба за власть, а я? Опять же крайний. Кто бы из них не вышел победителем в подковерной схватке – я обязательно и в любом случае буду проиграв-

шим… Как всегда, неким мальчиком для битья! – он схватил фуражку, надел и пошел к выходу. – Поеду-ка я в обком, похожу по кабинетам, попробую разузнать, что да как; почему и из-за чего товарищ Кириленко так сердит; кто за этим стоит. Это так оставлять нельзя. Завотделом административных органов – старый друг. Уж он-то не станет финтить… уверен!

Он спустился на первый этаж. Подскочил дежурный офицер.

– Подать машину, товарищ генерал?

– Спасибо, не надо. До обкома партии по прямой – полкилометра… Своим ходом доберусь. Говорят, полезны пешие прогулки. А как ты считаешь?

– Точно так, товарищ генерал! – ответил офицер и заулыбался.

– Чему радуешься?

– У вас, товарищ генерал, хорошее настроение.

– Фи, – кисло усмехнулся генерал уже на выходе. – Тоже мне физиономист… Угадал… Как пальцем в небо… Было хорошее настроение, теперь, увы… Подгадили…

2

Из воспоминаний полковника милиции Плотника:

«Парашютист, за которым велась абсолютно открыто круглосуточная слежка, понимая, что находится в пол-

ной власти чекистов, обложен кругом, как дикий зверь, вырваться из кольца не мог. Участвуя в этой, как мне тогда казалось, необъяснимой операции, противоречащей логике молодого опера, не мог до конца понять смысл устроенного спектакля. Вот уже три дня мы знаем, где он обедает, и что предпочитает на завтрак; на какой скамейке сквера дремлет в предрассветные часы; сколько раз подходил за день к билетной кассе железнодорожного вокзала и в каком направлении брал билеты; какую газированную воду предпочитает брать у лотошниц… Знаем, видим, таскаемся за ним по пятам, но не берем. Почему? Хотим узнать явочные квартиры, пароли, место хранения шпионской амуниции? Но он ни в какую не выходит ни с кем на связь, а, во-вторых, мы уже поняли, что все свое он носит с собой, не оставляя без присмотра ни на минуту. Только значительно позднее я понял до конца тогдашний план генерала…

Это было, если я не ошибаюсь, в среду, ближе к вечеру, точнее – около четырех. Я и мой напарник вот уже три битых часа печемся на июльской жаре (июль в тот год выдался, как сейчас помню, чрезвычайно жарким, когда за тридцать один день на землю не выпало ни капли дождя, когда столбик термометра не опускался ниже тридцати градусов), обливаясь потом, следуем за парашютистом, как няньки за маленьким барчуком. Измотанные и злые, все время держа дистанцию, то есть, не входя в прямое соприкосновение (это было запрещено данной нам инструкцией), мы

с нетерпением поглядывали на наручные часы, ожидая той благословенной минуты, когда эстафету от нас примут другие.

Но что это? Наш подопечный, сидевший на скамеечке, возле кинотеатра «Урал», стремительно встал и быстрым шагом направился по улице Свердлова в сторону железнодорожного вокзала. Судя по тому, как он шел (обычно он ходил медленно, часами разглядывая витрины магазинов), мне показалось, что он принял какое-то решение. На пересечении улиц Свердлова и Азина он чуть не попал под колеса «полуторки». Водитель высунулся из кабины и, матерясь почем зря, погрозил ему кулаком.

Парашютист не реагировал. Я посчитал, что он может предпринять какие-то неординарные шаги, поэтому сказал напарнику, чтобы тот с ближайшего телефона-автомата связался со штабом и сообщил, куда направляется наш объект. Чтобы были ко всему готовы наши люди на вокзале. К любому развитию событий. А он, тем временем, поравнявшись со зданием, где располагалось тогда шестое отделение милиции, остановился, потоптался в нерешительности и юркнул внутрь. Зачем? Что ему там понадобилось? Что еще он надумал? Я находился в некоторой растерянности. Войти и нам? Но правильно ли?

Решил не входить, но предупредить начальство. Напарник убежал звонить, а я остался дежурить у входа в шестое отделение милиции».

В отделение милиции вошел мужчина. Огляделся по сторонам. Увидев дежурного сержанта с повязкой на рукаве, подошел к нему. Он хотел что-то спросить того, но сержант довольно грубо опередил.

– Ты к кому? По какому вопросу?

– Товарищ… мне ваш начальник нужен… капитан Шестаков… Он у себя?

Сержант почему-то расхохотался.

– Ты, мужик, опоздал. У нас теперь другой начальник.

– А… что же…

– С Шестаковым, что ли?

– Д-да.

– Ничего серьезного. Выперли его из начальников… А тебе, собственно, кто нужен – начальник или только персонально Шестаков?

– Мне бы лучше с ним, но…

– Нет проблем, мужик. Можешь и с ним. Поднимись на второй этаж, поверни направо, справа третья дверь. Там увидишь…

– Он, что…

– Он теперь, мужик, в замах ходит.

– Понятно… Так мне можно?

– Иди… Нет, постой-ка, мужик, – сержант грубо взял его за рукав и стал внимательно вглядываться. – Что-то мне лицо твое слишком знакомо… Встречались? Где?

– Не помню. Правда, вы, товарищ, могли меня видеть

недавно… Я сюда приходил… И тоже к Шестакову… Мы с ним давние приятели, еще со школы.

– Приятели? – переспросил сержант. – Что за околесицу несешь? Разве приятель мог не знать, что с ним приключилось?

– Я в командировке долго был. Только что вернулся, поэтому и не знаю ничего.

– Ладно, иди, если так. То-то, гляжу, – лицо знакомое.

Сержант отвернулся, а мужик поднялся на второй этаж и постучал в дверь кабинета. И тотчас же услышал:

– Да, входите!

Отворив дверь, вошел. Шестаков, сидя вполоборота к нему, поднял глаза на вошедшего. Их взгляды встретились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.